

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК ШП41.12-51+ШП41.12-55
DOI 10.26170/pl19-02-14

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.01.10; 10.02.01

О. В. Ильина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3342-1624

Е. В. Каблук

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9112-4145

 E-mail: ilina.usu@gmail.com; ekablukov@gmail.com.

Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области

АННОТАЦИЯ. Региональная идентичность рассматривается как дискурсивный конструкт, в основе которого лежит пространственная и темпоральная идентификация субъектов дискурса, вступающая в сложное взаимодействие с набором разнородных тематических идентификаций. На материале журналистских текстов «Областной газеты» (Свердловская область) построена модель региональной идентичности уральцев. Анализируются дискурсивные практики отбора, номинации и описания объектов, а также практики конструирования концептов.

Показано, что географическая карта Урала размечается местными топонимами: это Урал, Средний Урал, а также названия городов, сел, гор, рек, озер, значимых для Свердловской области. При этом Урал конструируется как сложное и многомерное пространство, центр которого — это Свердловская область (Средний Урал), а столица — Екатеринбург.

Рассматривая темпоральную идентификацию Урала, авторы анализируют практики отбора исторических событий и персонажей. Значимыми для прошлого региона оказываются дореволюционная история горнозаводского Урала, гибель царской семьи, а также отдельные события советской истории, особенно Великая Отечественная война. Практики конструирования прошлого влияют и на конструирование настоящего и будущего. Так, авторы отмечают важность исторически сложившегося горнозаводского образа региона для экономической идентификации Урала. В статье также описаны политическая, этноконфессиональная и культурная идентификации жителей региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная идентичность; медиадискурс; дискурс-анализ; дискурсивные практики; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ильина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilina.usu@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Каблук Евгений Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekablukov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ильина, О. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области / О. В. Ильина, Е. В. Каблук // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 119-131. — DOI 10.26170/pl19-02-14.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00143 «Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие».

Региональная идентичность является предметом изучения различных наук. Часто данный феномен исследуют представители социологии и политологии, акцентирующие внимание на русском региональном самосознании [Крылов 2005; Туровский 1999] либо на региональной идентичности россиян, проживающих в национальных республиках, например в Татарстане [Сагитова 2003; Макарова 2011]. Популярным становится изучение региональной идентичности в рамках

экономической науки, которая анализирует вопросы позиционирования и брендинга регионов [Наумов 2012; Тумакова 2010].

В литературоведении исследуется региональная идентичность в местном фольклоре и творчестве местных писателей [Баженова 2007; Приказчикова 2003]. Лингвисты же традиционно обращаются к региональной идентичности в связи с анализом диалектов и региолектов [Драчева, Черняева 2016; Оглезнева 2013], картины мира и социолинг-

вистического портрета жителей определенной территории [Демидова 2015; Иванищева 2015], в связи с изучением образа того или иного региона в СМИ [Манаенко 2010; Пятак 2008], региональных ценностных доминант [Купина 2016, 2017] и др.

При этом российские ученые, как правило, подходят к феномену региональной идентичности аналитически, отделяя ее от этнической, культурной, конфессиональной и т. д. Перечисленные идентичности рассматриваются как самостоятельные объекты: «Региональная идентичность во многом схожа с другими видами идентичности (национальной, этнической, культурной, профессиональной и пр.). Она тоже во многом опирается на социальные мифы об особых качествах местообитания» [Еремина 2011: 152]; «Под региональной (территориальной) идентичностью, отличной от идентичности этнической, следует понимать „солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом“. Данный вариант идентичности находит выражение в причислении себя к жителям определенной местности, региона, района, города, его части и т. д.» [Побережников 2013: 140].

Выходит, что региональная идентичность связана лишь с местом обитания общности, с территорией, на которой живет человек, искусственно — для удобства исследователя — лишенный этнических, культурных и конфессиональных характеристик. Между тем ни один исследователь не ставит под сомнение тот факт, что идентичность есть не свойство территории, а свойство людей, на этой территории проживающих, и эти люди неминуемо обладают сложным набором этнических, культурных, конфессиональных и других характеристик.

Наше исследование предусматривает переосмысление подходов к региональной идентичности, которую мы рассматриваем как комплексный дискурсивный конструкт, способный включать любые направления идентификации — этноконфессиональное, культурное, экономическое, политическое, национально-гражданское и т. д. — в соответствии с той реальностью, которая представлена в медиадискурсе. Другими словами, если СМИ изображает жителя Урала как этнически русского, то данная этническая идентификация включается в региональную. Если житель Урала — старообрядец, то данная конфессиональная идентификация также входит в региональную. Если же данные ни об этносе, ни о конфессии не актуализируются, то эти параметры исключаются из модели региональной идентичности

уральца. Таким образом, данный подход позволяет увидеть феномен региональной идентичности во всей его сложности, демонстрируемой в медиадискурсе.

В основе нашей методики лежит выделение дискурсивных практик, т. е. типичных социально детерминированных способов конструирования смыслов или фрагментов действительности в текстах медиадискурса. Это практики формирования объектов дискурса (их отбора, номинации и описания), практики формирования субъектных позиций дискурса и практики конструирования истины, определяющие функционирование дискурсивных концептов [см.: Енина, Чепкина 2011; Майданова, Чепкина 2011; Чепкина 2000]. Этот подход восходит к работам Мишеля Фуко, обосновавшего понятие дискурсивной практики как «совокупности анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко 2004: 227—228; см. также: Фуко 1996]. Данная методика не противоречит и популярному сегодня критическому дискурс-анализу в духе Т. А. ван Дейка, Р. Водак и др. [см.: Ван Дейк 2013; Wodak, Chilton 2005], в рамках которого «дискурс подвергается анализу не только как автономный вербальный „объект“, но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [Ван Дейк 2013: 21]. Критические дискурсивные исследования «ориентированы на сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса, на выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от социальной структуры» [Ван Дейк 2013: 21—22].

Наиболее последовательно принципы критического дискурс-анализа при изучении идентичности реализованы в работе «Дискурсивное конструирование национальной идентичности» [De Cillia 1999], авторы которой исходят из следующих теоретических предпосылок: идентичность — это ментальный конструкт, который «производится, воспроизводится, трансформируется и разрушается посредством языка и других семиотических систем»; понятие идентичности соотносится с терминами «воображаемое сообщество» [см.: Андерсон 2016] и «габитус» [см.: Бурдье 1998], дискурсивное конструирование идентичности предполагает конструирование различий и уникальности; не существует одной-единственной иден-

тичности, поскольку она характеризуется динамичностью и фрагментарностью. Мы в целом разделяем эти положения, однако отстраняемся от анализа сознания человека и анализируем идентичность только как факт дискурса. Таким образом, идентичность можно определить как дискурсивный конструкт, который, будучи результатом комплекса идентификаций субъектов дискурса, характеризуется изменчивостью, фрагментарностью и ситуативностью, а идентификацию — как установление тождества или различия с кем-либо, чем-либо [см.: Проблемы конструирования... 2017: 22—23].

Важно также подчеркнуть, что идентичность — это всегда результат самоидентификации говорящего субъекта, нельзя говорить о конструировании идентичности другого, так как в этом случае речь идет уже о другой категории — образе персонажа или адресата [Каблюков 2018: 25—26]. Однако дискурс предлагает индивиду различные субъектные позиции, наполняет их значением и в этом смысле формирует его идентичность. «Идентичность — это идентификация человека с субъектной позицией в структуре дискурса» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 84]. С этой точки зрения, в дискурсе может конструироваться идентичность адресата, если через «обращение» он примет эту идентичность [Филлипс, Йоргенсен 2008: 39—41, 80—81, 149—151]. В региональном медиадискурсе в качестве коллективного говорящего субъекта выступают журналист и редакция, которые и конструируют региональную идентичность. При этом журналист, редакция и аудитория — жители региона — объединяются в так называемый «свой круг», и таким образом массовая аудитория имеет возможность присвоить соответствующую идентичность, конструируемую в СМИ.

При этом мы намеренно отказываемся от такого подхода к идентификации, который ограничивает ее эксплицитными лингвистическими сигналами: «Мы, уральцы, считаем Екатеринбург третьей столицей». С нашей точки зрения, самоидентификация осуществляется в любом акте высказывания, независимо от наличия особых лингвистических маркеров, которые, безусловно, упрощают работу исследователя-лингвиста, но при этом искусственно ограничивают эмпирический материал. Таким образом, использование номинации «третья столица» для обозначения Екатеринбурга в уральских СМИ является для нас также и практикой идентификации уральцев, отличающей их от представителей других регионов, к примеру, Татарстана, которые использовали бы данную номинацию

для обозначения другой столицы — Казани [см., напр.: Гиллих, Ушакова 2018].

Исследование идентичности в русле дискурс-анализа привело нас к необходимости использования термина «модель идентичности», так как дискурс-анализ призван выявить не набор смыслов, не содержание, а способы структурирования этих смыслов, т. е. типовые практики установления отношений между концептами, объектами и субъектами дискурса, а также способы создания и восприятия этих смыслов, то есть, по сути, смысловые модели, включающие в себя характерные узловые точки, знаки дискурса и способы их взаимосвязи. Методологическая целесообразность использования термина «модель» обусловлена также следующим: идентичность, в том числе региональная, конструируется в дискурсе и присутствует в нем как идеальная сущность, однако эта сущность не дана исследователю, который всегда лишь моделирует ее на основе анализа высказываний субъектов дискурса (можно сказать, что исследователь воссоздает субъектов, стоящих за данными высказываниями, в их идентичности). Таким образом, исследователь, как и всякий сторонний наблюдатель, имеет дело лишь с моделью идентичности, а не с самой идентичностью — идеальной сущностью, принадлежащей дискурсу [Каблюков 2018: 26]. Такое признание ограниченности собственных исследовательских возможностей также является характерной чертой дискурс-анализа [см.: Ван Дейк 2013].

Ключевыми при построении модели региональной идентичности (как и любой другой территориальной идентичности) оказываются темпоральная и пространственная идентификации, задающие своеобразную систему координат той реальности, в которой существуют субъекты этой идентификации, т. е. «носители» данной идентичности. Эта система координат является конституирующей для всякой территориальной идентичности, в том числе региональной, поскольку идентификация пространства региона и исторического времени, в которое помещено это пространство и все его обитатели, становится необходимым и достаточным условием для выделения соответствующей территории как социальной реальности, а также для выявления характеристик общности, проживающей на данной территории. При этом, как показывает наш материал и другие исследования идентичности [Енина 2017; Проблемы конструирования... 2017], можно выделить различные тематические направления идентификации, в том числе культурную, экономическую, конфессио-

нальную, этническую и другие, которые не включаются в один ряд с пространственной и темпоральной, а встраиваются в них, т. е. существуют внутри описанной выше системы координат.

В центре внимания данного исследования — уральская региональная идентичность. При этом мы рассматриваем Урал как вернакулярный район [см.: Ильина, Халуторных 2018: 187; см. также: Казакова 2017], т. е. особое символическое пространство, которое может не совпадать с соответствующим административным образованием — Уральским федеральным округом — и с Уралом как географическим объектом. В состав УрФО входят Курганская, Свердловская, Челябинская области, а также Тюменская область с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами. С точки зрения физической географии Урал — это «территория между Вост.-Европейской и Зап.-Сибирской равнинами. В составе У.: Уральская горн. система, вытянутая почти меридионально к Ю. от берегов Карского м. Дл. более 2000 км, шир. от 40 до 150 км. <...> Делится на Полярный У., Приполярный У., Сев. У., Ср. У. и Юж. У.» [БЭС 1993: 1389].

Чтобы определить границы Урала как вернакулярного района, существующего в дискурсивном пространстве, мы провели мониторинг СМИ регионов, входящих в состав УрФО, а также географически и исторически связанных с Уралом. Помимо названных выше субъектов УрФО, в выборку вошли Пермский край и Коми-Пермяцкий автономный округ, который рассматривался отдельно, несмотря на то что в 2005 г. утратил статус субъекта Российской Федерации, Оренбургская область и Республика Башкортостан. В каждом из десяти регионов анализировались официальные региональные печатные издания (их учредителем обычно выступают органы государственной власти региона, а сами издания являются официальными публикаторами региональных нормативно-правовых актов): «Областная газета» (Свердловская область), «Южноуральская панорама» (Челябинская область), «Новый мир» (Курганская область), «Тюменская область сегодня» (Тюменская область), «Красный Север» (Ямало-Ненецкий автономный округ), «Новости Югры» (Ханты-Мансийский автономный округ), «Звезда» (Пермский край), «Парма» (Коми-Пермяцкий автономный округ), «Оренбуржье» (Оренбургская область), «Республика Башкортостан» (Республика Башкортостан). Все отобранные газеты входят в топ-10 либо в топ-20 региональных рейтингов «Медиалогии» за 2017 г., многие являются лидерами рей-

тинга среди печатных СМИ своего региона [Медиалогия].

Методом сплошной выборки из названных газет, вышедших в свет с 1 по 30 ноября 2017 г., были извлечены контексты, содержащие сигналы отнесения данной территории к Уралу как вернакулярному району. Мониторинг показал, что такие сигналы последовательно фиксируются в медиадискурсе трех регионов: Свердловской и Челябинской областей, Пермского края (за исключением Коми-Пермяцкого автономного округа). При этом абсолютными лидерами по результатам количественного и качественного анализа сигналов уральской идентичности стали областные газеты Свердловской и Челябинской областей. Приведем примеры типичных контекстов: *Большая часть съёмочной группы была не уральской. Преобладали москвичи и латыши. Тем не менее жизнь нескольких человек так или иначе была связана со Средним Уралом. Например, именно на Свердловской киностудии был реализован первый сценарий Анатолия Гребнева („Ждите писем“, 1960) (Областная газета. 03.11.2017); В биатлоне составить команду Шипулину может ещё одна екатеринбурженка — молодая Светлана Миронова. <...> Основной плюс — скоростной потенциал, который является козырем уральской спортсменки на фоне „неспешности“ нынешних „сборниц“ (Областная газета. 02.11.2017); В этой связи южноуральцам действительно есть чем похвастаться: на территории Челябинской области действуют десятки вузов (в числе приоритетных отмечаются ЮУрГУ, а также первый на Южном Урале университет — ЧелГУ)... (Южноуральская панорама. 30.11.2017); По большому счету этим проектом мы, уральцы, открываем себя как частичку мировой цивилизации. Очень важно, чтобы читатель понимал: мы, оказывается, совсем не на задворках были! А наоборот, находились в мощном историко-культурном эпицентре возникающих цивилизаций (Южноуральская панорама. 20.12.2018).*

В пермской краевой газете «Звезда» также обнаруживаются соответствующие сигналы: *Именно поэтому современные крупноплодные сорта малины нуждаются в дополнительной защите от морозов. Нам, уральцам, очень повезло. Зимы у нас многоснежные, а это означает, что кусты можно специально не укрывать, а только пригнуть их к земле (Звезда. 01.11.2017); Очёрский машиностроительный завод — одно из старейших на Урале промышленных предприятий (Звезда. 02.11.2017). Однако этих сигналов значительно меньше, что*

объясняется, вероятно, неоднородностью краевой идентичности (связь с Уралом может по-разному проявляться в разных районах, городах и селах края), а также наличием сигналов отнесенности к иному — прикамскому — вернакулярному району.

Газеты остальных регионов не содержат сигналов уральской идентичности. Отметим лишь, что для Курганской и Тюменской областей, а также для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов связь с Уралом становится актуальной, если речь идет об административной отнесенности к УрФО (в публикациях о конкурсах, фестивалях, рейтингах округа и др.):

Ямальские общественные организации отличились на Урале. Сразу два арктических проекта стали победителями конкурса социальных программ 12 гражданских инициатив Уральского федерального округа (Красный север. 25.11.2017); *Наш округ является абсолютным лидером в рейтинге регионов на Урале и вторым в РФ по доле граждан, зарегистрированных на портале gosuslugi.ru (79,8 % от общего числа населения региона)* (Новости Югры. 16.11.2017); *Зауральские мастера примут участие в окружном фестивале „Промыслы и ремесла народов России“, который пройдет в Екатеринбурге и объединит умельцев со всего Уральского федерального округа* (Новый мир. 28.11.2017).

Можно сказать, что в этом случае уральская идентичность конструируется искусственно — под давлением формального, административного объединения субъектов Федерации в УрФО. Отметим также, что Курганская область идентифицируется как Зауралье и Урал для нее — это значимый «другой»: *Зауралье, как воин, прикрывало Урал, чтобы дать возможность Демидову построить заводы, чтобы защитить Россию от набегов кочевников с востока* (Новый мир. 28.11.2017). В СМИ некоторых регионов упоминаются важные для данных территорий географические объекты, связанные с Уралом: например, река Урал в Оренбургской области, южная часть Уральских гор в Оренбургской области и Республике Башкортостан, Приполярный Урал в ХМАО и ЯНАО. Это отражается и в наличии актуальных названий с топонимом «Урал»: оренбургский хоккейный клуб «Южный Урал», трасса М-5 «Урал». Однако административная, историческая и географическая связь рассматриваемых регионов с Уралом не становится основанием для конструирования уральской идентичности. Скорее, наоборот, для этих регионов Урал — это «другой» регион, уральцы — это «не мы», а

«они», жители Свердловской и Челябинской областей.

Таким образом, представляется целесообразным анализировать практики конструирования уральской идентичности на материале медиадискурса трех субъектов Федерации: Свердловской и Челябинской областей, Пермского края (исключив издания Коми-Пермского автономного округа). В данной работе мы ограничим эмпирический материал журналистскими текстами свердловской «Областной газеты» за 2017—2018 гг. и рассмотрим практики конструирования свердловского варианта уральской идентичности.

Пространственная идентификация жителей региона

Пространственная идентификация предполагает конструирование географического пространства данного региона, а также других связанных с ним территорий. В связи с этим важнейшими дискурсивными практиками пространственной идентификации становятся практики отбора географических объектов, их наименования и описания. При этом способы наименования и описания позволяют установить различные отношения между теми или иными географическими объектами, в том числе отношения близости, части-целого и т. п.

Так, географическая карта Урала размечается топонимами, официальными и неофициальными. В первую очередь это само название вернакулярного района Урал и образованные от него прилагательное *уральский*, а также названия жителей территории *уралец*, *уралочка*, *уральцы*. При этом топоним Урал используется и как обобщенная номинация для группы территорий, в числе которых Свердловская область, и как метонимическое обозначение самой Свердловской области:

Сегодня на Урале работает целый ряд совместных российско-итальянских предприятий... <...> В основном это компании из Свердловской, Челябинской областей и других субъектов УрФО (22.06.2017); *На Урале снизилась ставка по кредитам (заголовки). К 1 января 2018 года в Свердловской области средневзвешенная ставка по кредитам для физических лиц снизилась до 12,2 процента* (16.02.2018).

Если в первом примере речь идет об Уральском регионе, включающем «Свердловскую, Челябинскую области и другие субъекты УрФО», то во втором говорится исключительно о Свердловской области. При этом используется типичный для «Областной газеты» прием: метонимическое обозначение содержится в заголовке, что позволяет гипертрафифи-

ровать потенциальную значимость новости, однако из текста заметки становится ясно, что речь идет исключительно о Свердловской области. Еще чаще для обозначения Свердловской области используется конкретизированная номинация «Средний Урал», которая становится неформальным синонимом ее официального наименования:

Если поначалу на Средний Урал в основном приезжали люди из соседних областей, то в этот раз пленэр посетили художники из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, Коломны, Великого Новгорода, Пензы, Перми, Тюмени, Сыктывкара, Казани и других городов (27.07.2017); Вчера главный внештатный детский специалист-гематолог Минздрава России Александр Румянцев посетил медицинские учреждения Среднего Урала (28.02.2018).

Сигналом уральской идентичности выступает внутренняя топонимика Свердловской области: названия городов, сел, гор, рек, озер. Топонимы, значимые для Свердловской области, — это Уральские горы, реки Исеть, Сосьва, Чусовая, города Екатеринбург, Нижний Тагил, Полевской, Верхняя Пышма и др. Показательно, что все эти топонимы часто используются без родовых наименований и служат маркерами своих, свидетельствуют о принадлежности говорящего к жителям территории, а адресат, узнавая, понимая данную топонимику без специальных пояснений, присваивает предлагаемую ему региональную идентичность. Использование таких топонимов позволяет объединять редакцию и читателей в «свой круг» — круг жителей региона. Таким же маркером своих является приписывание Екатеринбургу особого столичного статуса, который поддерживается, во-первых, чрезвычайно частотными перифразами, называющими город столицей уральского региона, и, во-вторых, периодически актуализируемым концептом «третья столица России», который утверждает особое положение города не только в пространстве Урала, но и на карте всей страны:

Столица Среднего Урала обзаведётся своим „Эрмитажем“, к строительству которого приступят уже в этом году (23.01.2018); Екатеринбург это всё-таки третья столица России. Кроме того, Федерация сквоша Свердловской области пошла нам навстречу и выразила большую заинтересованность в проведении Кубка (3.11.2017).

Столичность Екатеринбурга — это еще и ведущая роль мегаполиса в различных сферах, особенно в сфере культуры и спорта:

По моему мнению и по мнению многих художников, с которыми я общаюсь, Ека-

теринбург — это российская столица современного стрит-арта (12.07.2017); Мы уже много раз писали о том, что наш город становится столицей не только бокса, но и единоборств в целом (3.08.2018).

Отметим, что подобные практики не нацелены на элиминацию столичного статуса Москвы и не связаны с исключением Урала из общероссийского пространства. Напротив, рассмотренный выше перифраз «третья столица России» лишь подчеркивает включенность в это пространство Екатеринбурга как третьего мегаполиса страны, признающего приоритет Москвы и Санкт-Петербурга. Это подтверждается и тем, что номинация «столица» без каких бы то ни было конкретизаторов указывает исключительно на Москву:

Если сравнивать со столицей, то у нас больше душевности (Якоб. 22.03.2017); Синоптики утверждают, что это был самый сильный природный катаклизм за всё время метеонаблюдений в столице, то есть более чем за сто лет. Во вторник в местных СМИ появилась информация о том, что мощный московский ураган приближается к Уралу (01.06.2017).

В некоторых случаях появляется даже противопоставление столичной Москвы и провинциального Екатеринбурга, хотя такие смыслы конструируются либо как маргинальные, либо как ненормативные [см. также: Купина 2016: 14]:

— Антон Алексеевич, что вас сподвигло заявить об участии в выборах? — Наверное, скука нашей провинциальной жизни. Мне уже шестой десяток, есть что сказать людям — не только своим близким, но и миру (05.10.2017); — Мы привыкли считать себя провинцией. Не нужно себя унижать! Надо ставить перед собой задачи и выполнять, — заявил Чернецкий (19.12.2017).

Таким образом, перед нами сложное и многомерное, но при этом четко структурированное пространство Урала, в центре которого Свердловская область, часто называемая Средним Уралом, и столица данного вернакулярного района — Екатеринбург. Кроме того, конструируемый в текстах «Областной газеты» Урал охватывает Челябинскую область, называемую Южным Уралом:

Благодаря усилиям соседей с Южного Урала к строительству высокоскоростной магистрали Челябинск — Екатеринбург присоединится китайская корпорация China Railway Group Limited (21.06.2017); Например, на Южном Урале в эти дни холоднее, чем в Свердловской области. У наших южных соседей погоду устанавливает казахстанский антициклон, который и

принёс морозы (20.12.2017).

Многомерность уральского пространства связана с неоднозначностью используемых топонимов. Так, Средний Урал — это типичный перифраз для обозначения Свердловской области, а не географического Среднего Урала, однако при этом в текстах встречаются противопоставления Северного, Приполярного и Среднего Урала, что отсылает нас к иному способу структурирования пространства — в соответствии с критериями физической географии:

Урал тянется примерно на 2 000 тысячи километров. И удивительно, что самое глухое место — Северный Урал — находится посередине (30.03.2017); *Музыканты приехали на Северный Урал за день до выступления, и ночевать им пришлось в соседнем Серове, так как в Красноуральске в гостинице не нашлось места для такой большой делегации* (10.07.2018).

Темпоральная идентификация жителей региона

Темпоральная идентификация предполагает конструирование исторического времени, в которое погружены субъекты дискурса. Историческое время традиционно распадается на прошлое, настоящее и будущее.

Прошлое. Исследователи отмечают, что особую важность для коллективной идентичности имеет общий исторический нарратив [Ачкасов 2018; Smith 1993]. На первый план здесь выходят практики отбора исторических событий и персонажей, которые — в результате такого отбора — оказывают воздействие как на настоящее, так и на будущее. Можно выделить следующие ключевые для уральской региональной идентичности конструкты прошлого.

1. Дореволюционная история горнозаводского Урала, связанная со строительством и функционированием многочисленных железоделательных заводов, вокруг которых часто и вырастали уральские города:

На территории Северского трубного завода (Трубная металлургическая компания) сохранён и отреставрирован уникальный комплекс времён Демидовых — историческая постройка, известная не только на Урале, но и в Европе — доменный цех, который даёт полное представление о производственной выплавке чугуна в позапрошлом веке (16.06.2017); *Становление Горнозаводского Урала состоялось именно во времена Российской империи. Наши демидовские заводы в Нижнем Тагиле и Верхней Салде, завод в Билимбае, основанный графом Строгановым, были одними из ведущих в стране по выплавке чугуна. Была открыта*

железная дорога, которая стала важнейшей транспортной артерией (28.07.2017).

2. События советского периода, связанные с Великой Отечественной войной и формированием концепта «Урал — опорный край державы», который можно представить как переосмысление дореволюционных горнозаводских традиций:

В Свердловской области были размещены на хранение бесценные коллекции Эрмитажа. Отсюда голосом Левитана летели на всю страну фронтовые сводки. Здесь трудились сотни эвакуированных предприятий. Здесь был создан опорный край державы, мощь которого была направлена на достижение главной цели — Победу в Великой Отечественной войне (06.05.2017); *В Великую Отечественную войну 400 петрокаменских мужчин ушли на фронт, а их жёны и дети колотили на фабрике „гробы для фашиста“ — ящики для снарядов. Там же вытачивали и приклады для стрелкового оружия, — рассказала ОГ директор местной библиотеки Оксана Бабайлова* (02.08.2018).

3. Отдельно следует выделить трагические события, связанные с гибелью царской семьи:

В Екатеринбурге в историческом парке „Россия — моя история“ открылась персональная выставка московского художника Филиппа Москвитина, посвященная 100-летию гибели семьи последнего российского царя (15.02.2018); *Для Свердловской области, Екатеринбурга революция и её последствия имеют особое значение: здесь провели последние дни члены царской семьи, здесь трагически оборвалась их жизнь* (28.07.2017).

Будущее территории — это прогнозируемое время [см. также: Купина 2017: 21], которое связано с конструированием предстоящих масштабных событий. В их числе чемпионат мира по футболу 2018 г., который проходил в том числе и в Екатеринбурге, а также борьба за право принять Всемирную выставку 2025 г., закончившаяся, как нам теперь известно, неудачей:

Но у каждого здания должен появиться паспорт фасада, и все изменения первоначального облика придётся согласовывать с администрацией города, чтобы архитектурные сооружения выглядели эстетично. Важно привести город в порядок перед чемпионатом мира по футболу и 300-летием Екатеринбурга (10.02.2017); *Глава Среднего Урала Евгений Куйвашев для увеличения в регионе числа гостиниц высокого уровня предложил ввести для них налоговые льготы. Преференции будут предоставляться на пять лет тем оте-*

лям, которые введены в строй начиная с 2016 года при капитальных вложениях более 1 млрд рублей. Это необходимо, чтобы регион смог принять гостей в случае победы заявки Екатеринбурга на проведение ЭКСПО-2025 (14.02.2018).

Настоящее, которое и является основным предметом медиадискурса, конструируется как «информационный образ актуальности» [ср. с определением журналистики: Калмыков, Коханова 2005: 8] — чрезвычайно сложный конструкт, для рассмотрения которого мы выделим отдельные тематические направления идентификации.

1. Экономическая идентификация закрепляет исторически сложившийся горнозаводской образ региона. Уральцы по-прежнему живут в мире заводов, главным образом металлургических, с которыми связаны и экономические успехи, и некоторые проблемы, особенно в жизни моногородов:

Так, на Среднеуральском медеплавильном заводе модернизация металлургического производства позволила в разы снизить выбросы вредных веществ в атмосферу (16.02.2017); На первый взгляд Каменск-Уральский не похож на другие моногорода. Хотя у нас много предприятий, кризис 2008 года показал, как легко люди могут остаться без работы в случае спада производства, тогда около 4 тысяч человек высвободились с предприятий (18.03.2017).

Большую роль играет и сельское хозяйство, а также переработка сельхозпродукции, что связано, среди прочего, с антисанкционной повесткой СМИ и идеологией импортозамещения:

Лидер нашей молочной отрасли — ирбитский СПК „Килачёвский“, в прошлом году здесь от каждой коровы в среднем получили по 10 196 килограммов молока. Неслучайно и больше всего наград досталось вчера представителям этого хозяйства. Среди них — самая молодая доярка области, получающая в среднем от каждой коровы своей группы более 10 тысяч килограммов молока в год, Марина Мартынова (03.03.2017); Проблема импортозамещения в сфере аграрного производства стоит на сегодня очень остро. Несмотря на то, что государство оказывает большую поддержку предприятиям агропромышленного комплекса как на федеральном, так и региональном уровнях, отрасль сталкивается с недостатком финансовых ресурсов, что мешает её развитию (04.03.2017).

2. Политическая идентификация. Можно сказать, что позиция областных властей и лично губернатора Свердловской области оказывается определяющей для политиче-

ской идентификации «своего круга» «Областной газеты». Об этом свидетельствуют прежде всего практики отбора событий и персонажей медиадискурса. Любые действия губернатора являются поводом для освещения в СМИ, так же как и участие губернатора в любом событии становится поводом для включения данного события в информационную повестку, о чем свидетельствуют многочисленные заголовки «Областной газеты»: *Евгений Куйвашев обновил состав „высшей школы политических дискуссий“ (13.01.2017); Куйвашев назвал имена кандидатов в сенаторы (28.07.2017); Евгений Куйвашев стал лауреатом престижной экопремии (27.12.2017); Евгений Куйвашев поздравил бывшего начальника штаба ПУрВО с присвоением звания Героя России (29.12.2017); Губернатор взял под личный контроль очистку региональных дорог от снега (01.03.2018).*

Более того, обращение к губернатору области становится особой практикой конструирования истины, поскольку именно высшее должностное лицо региона в рассматриваемой реальности обладает ею:

Мэрия Екатеринбурга утвердила план внедрения новой маршрутной сети общественного транспорта. <...> Документ, появившийся без всяких комментариев со стороны мэрии, посеял настоящую панику среди горожан. <...> Евгений Куйвашев, губернатор Свердловской области: Необходимость оптимизации маршрутной сети общественного транспорта в Екатеринбурге очевидна (13.01.2017); Недостроенную телебашню в центре Екатеринбурга снесут во второй половине марта. <...> Губернатор Евгений Куйвашев также высказался за снос телебашни на своей странице в „Инстаграме“... (20.02.2018).

Наиболее острые политические события региона, например акции протеста, тоже попадают в повестку, однако при их конструировании наблюдается следующая закономерность: любая активность так называемой несистемной оппозиции, как правило, маркируется как ненормативная, в то время как активность, легитимированная участием представителей власти, напротив, оценивается положительно:

В воскресенье в Екатеринбурге толпа „борцов против коррупции“, собравшаяся на несанкционированный митинг по призыву осуждённого за хищение оппозиционера Алексея Навального, подобно украинским националистам прыгала и скандировала возле Ельцин Центра: „Кто не скачет, тот медведь!“ (28.03.2017); В субботу министр энергетики и ЖКХ Свердловской области

Николай Смирнов пришёл на митинг против роста тарифов на коммунальные услуги, организованный региональным отделением КПРФ. Он не только прокомментировал протестные заявления, но и лично проконсультировал митингующих. Как отметил первый секретарь свердловского обкома КПРФ Александр Ивачёв, на его памяти это первый случай, когда представители власти приходят на протестное мероприятие в Екатеринбурге (18.04.2017).

Следует также отметить, что региональная политическая идентификация лишена каких бы то ни было признаков сепаратизма и, можно сказать, гармонично встраивается в идеологию «вертикали власти», о чем свидетельствует активное конструирование актуальных для современной России официозных идеологем, таких как «импортозамещение» и «майские указы», исключительно в лояльном контексте [см.: Каблукوف 2012]:

В августе в рамках выполнения майских указов Владимира Путина в Академическом районе Екатеринбурга открылась первая очередь школы № 23. Это первый объект в рамках федеральной целевой программы по строительству новых школ и одно из самых больших и современных общеобразовательных учреждений в России (25.01.2017); Специалисты УрГАУ защитили два проекта, один из них — по повышению молочной продуктивности... <...> Как отметили в аграрном университете, оба проекта имеют большое значение для Свердловской области в рамках импортозамещения (22.06.2017).

Критическое осмысление деятельности Владимира Путина подменяется безоговорочной поддержкой со стороны простых граждан и представителей элиты:

Потом была травля в Интернете тагильских заступников. И быдлом заводчан называли, и черносотенцами. А они не только съездили на митинги в поддержку Путина в Екатеринбург и Москву, но и создали движение „В защиту человека труда“, которое вскоре выплеснулось за рамки региона. В непростое время тагильчане подставили своему кандидату плечо — крепкое, как танковая броня (07.10.2017); Антон Шипулин вступил в Putin Team в начале февраля этого года. „Вы все прекрасно знаете, что даже в личном виде спорта всегда важна командная работа вместе с тренерами и друзьями-спортсменами. Я никогда не скрывал и не буду скрывать, что поддерживаю нашего президента страны Владимира Путина и разделяю его ценности и взгляды“ (17.02.2018).

3. Этноконфессиональная идентификация.

«Областная газета» последовательно конструирует образ Урала как многонационального и многоконфессионального региона, в котором мирно проживают представители разных народов, освещает национальные праздники, рассказывает о традициях и культуре, подчеркивает внимание областных властей к представителям различных этносов и конфессий. Показательными являются приведенные ниже поздравления губернатора Свердловской области, опубликованные «Областной газетой». Они адресованы православным и мусульманам и воспроизводят идеологические предписания по конструированию образа региона как мультикультурного образования:

Этот праздник любим россиянами за свои добрые и красивые традиции, которые способствуют укреплению единства общества, сохранению гражданского мира, формированию высоких нравственных приоритетов... <...> В нашем многонациональном крае, где в мире и согласии проживают представители более 160 народов, православие является одной из основных конфессий (15.04.2017); Курбан-байрам учит помогать нуждающимся, быть щедрыми и милосердными. В мечетях и за общей трапезой верующие просят Всевышнего о благополучии семьи и друзей, о помощи в добрых делах. Суть этой молитвы близка представителям разных конфессий, особенно в нашем регионе, где мирно соседствуют 160 национальностей. Каждая имеет равные с другими возможности для развития, изучения обычаев и родного языка. Традиции ислама гармонично вплетаются в полотно уральской культуры (1.09.2017).

Единственное отличие, которое обнаруживается при конструировании образа разных конфессий, связано с тем, что авторы текстов в некоторых случаях используют местоимения третьего лица для обозначения мусульман, иудеев и других, однако не говорят так о православных. Получается, что представители других конфессий (и, очевидно, этносов), хоть и становятся персонажами журналистских материалов, но предстают скорее как «другие уральцы»:

Сегодня начинается месяц Рамадан. В течение этого времени **мусульмане** ежедневно — от рассвета до заката — не должны ни есть, ни пить, **они не должны** сквернословить, предаваться плотским радостям, а творить добрые дела (26.05.2017); Первыми Новый год встречают **евреи** Среднего Урала. Свой главный праздник, который называется Рош Ха-Шана, в 2017 году **они отмечали** с 20 по 22 сентября (1—2 тишрея по еврейскому ка-

лендарю) (26.12.2017).

4. Для культурной идентификации оказываются важными уральская горнозаводская мифология и фольклор (в том числе сказы Бажова), которые, в свою очередь, укоренены в горнозаводском прошлом Урала [см.: Баженова 2007; Бажовская энциклопедия 2007; Приказчикова 2003; Уральская историческая энциклопедия 2000 и др.], а также некоторые современные персонажи, события и явления: Николай Коляда и его театральные постановки, уральский рок и группа «Чайф», фестиваль песни студотрядов «Знаменка» и др.:

„Малахитовую шкатулку“ Павел Бажов сочинил, вдохновившись малахитным центром Урала того времени — Полевским (30.03.2017); Из года в год Коляда-Plays — одно из самых ярких событий лета. Это уже традиционный для Екатеринбурга Международный театральный фестиваль современной драматургии, куда съезжаются театры со всей страны и мира с постановками на пьесы уральских драматургов — Василия Сигарева, Валерия Шергина, Ярослава Пулинович, ну и, конечно же, самого Николая Коляды (26.05.2017); Музыкой Александр Пантыкин начал заниматься ещё в 70-х годах прошлого столетия. За это время дедушка уральского рока — как по праву называют Пантыкина — играл и сотрудничал почти со всеми культовыми свердловскими рок-группами — „Урфин Джюс“, „Сонанс“, „Наутилус Помпилиус“, „Настя“, „Агата Кристи“ (13.05.2017); В минувшие выходные на берегу реки Пышмы в 40-й раз прошёл фестиваль студенческих отрядов и авторской песни „Знаменка“ (08.08.2017).

Отметим, что названные феномены предстают как предметы гордости и становятся поводом для регионального патриотизма.

Выводы

Моделирование региональной идентичности уральцев на материале свердловской «Областной газеты» позволило выявить комплекс идентификаций, который характеризует прежде всего отношение субъектов дискурса к пространству-времени. Так, для конструирования пространства активно используются внутренние топонимы и неофициальные номинации географических объектов, которые понятны «своему кругу» издания и легитимны внутри данного дискурса. Пространство, в котором живут уральцы, оказывается четко структурированным: в его центре находится Свердловская область («Средний Урал») и Екатеринбург как «сто-

лица Среднего Урала» и «третья столица России». При этом Урал оказывается безусловно интегрированным в общероссийское пространство. Для темпоральной идентификации уральцев особенно важным оказывается исторический нарратив, связанный с формированием промышленного потенциала региона в дореволюционный и советский период. Будущее связывается с проектами мирового масштаба, число которых, впрочем, весьма невелико. Настоящее предстает как сложный конструкт, который включает следующие актуальные направления идентификации: 1) экономическое, закрепляющее исторически сложившийся образ горнозаводского региона, но при этом выявляющее и его агропромышленный потенциал; 2) политическое, демонстрирующее включенность региона в общероссийскую «вертикаль власти», причем губернатор области становится носителем «региональной истины»; 3) этноконфессиональной, свидетельствующей о последовательном конструировании образа региона как мультикультурного пространства, которое характеризуется абсолютной гармонией в отношении разных народностей и конфессий; 4) культурное, сочетающее старую горнозаводскую мифологию региона и новые культурные феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016.
2. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 19—26.
3. Баженова Е. А. Механизмы формирования уральской идентичности в индустриальную эпоху // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. 2007. № 52. С. 261—269.
4. Бажовская энциклопедия. — Екатеринбург: Сократ: Изд-во Урал. ун-та, 2007.
5. Большой энциклопедический словарь. — М.; СПб.: Сов. энциклопедия: С.-петерб. фонд «Ленинградская галерея», 1993.
6. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44—59.
7. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
8. Гиллих А. Д., Ушакова П. П. Реализация концепции третьей столицы в структуре управленческих решений в городе Казань // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. 2018. Т. 2. № 4. С. 128—131.
9. Демидова К. И. Языковая картина мира в региональном аспекте (научная школа доктора филологических наук, профессора К. И. Демидовой) // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 47—51.
10. Драчева Ю. Н., Черняева М. И. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 6 (75). С. 83—87.
11. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «Информационная война» // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 96—107.
12. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Журналистский дискурс: анализ практик // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2011. № 2.

C. 76—85.

13. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа // Регионология. 2011. № 3 (76). С. 216—222.

14. Иванничева О. Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: подходы и методы исследования. — М.; Берлин : Директ-Медиа, 2015.

15. Ильина О. В., Халуторных Е. А. Урал как вернакулярный район // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

16. Каблукров Е. В. Региональная идентичность россиян в дискурсе СМИ: теоретические аспекты научного моделирования // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2018. № 3. С. 23—29.

17. Каблукров Е. В. «Вернакулярный район» как специфика функционирования в современном российском медиадискурсе // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 6 : Журналистика. С. 84—88.

18. Казакова Г. М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57—65.

19. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. — М. : Юнити-Дана, 2005.

20. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13—23.

21. Купина Н. А. Аксиологическая стратегия и ее речевая реализация в региональном газетном издании // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2017. № 4 (168). С. 19—31.

22. Купина Н. А. От города-завода к современному передовому городу: стилистические приметы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1. 2016. № 2 (150). С. 13—25.

23. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медiateкст в идеологическом контексте. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.

24. Макарова Г. И. Динамика российской региональной и этнических идентичностей в Татарстане // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 71—77.

25. Манаенко Г. Н. Деформации «Образа Кавказа» в современном дискурсе российских СМИ и общественном сознании, или О пользе политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2010. № 4. С. 50—53.

26. Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlg.ru> (дата обращения: 28.02.2019).

27. Наумов Д. Н. Региональная идентичность как главный фактор формирования благоприятного бренда территории (на примере ХМАО-Югры) [Электронный ресурс] // Современные про-

блемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7151> (дата обращения: 28.02.2019).

28. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20—37.

29. Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // Десятые Татищевские чтения. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013. С. 140—145.

30. Приказчикова Е. Е. Каменная сила Медных гор Урала // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. 2003. № 28. С. 11—23.

31. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война». — М.; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.

32. Пятак В. И. Образ Дальнего Востока России в советском дискурсе: историческая специфика и мифология // Вестн. Приамур. гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2008. № 1. С. 35—38.

33. Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. — М.; СПб : Летний сад : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 77—124.

34. Тумакова К. Е. Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70—73.

35. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? — М. : Гендальф, 1999. С. 87—136.

36. Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2000.

37. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008.

38. Фуко М. Археология знания. — СПб. : Гуманитарная академия : Университетская книга, 2004.

39. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М. : Касталь, 1996. С. 47—97.

40. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

41. De Cillia R. The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M.Reisigl, R.Wodak // Discourse & society. 1999. № 10 (2). P. 149—173.

42. Smith A. D. National Identity. — Reno : University of Nevada Press, 1991.

43. Wodak R., Chilton P. (eds.). A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2005.

O. V. Il'ina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-3342-1624

E. V. Kablukov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9112-4145

✉ **E-mail:** ilina.usu@gmail.com; ekablukov@gmail.com.

Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region

ABSTRACT. Regional identity is considered as a discursive construct, based on spatial and temporal discourse subjects' identification, entering into a complex interaction with a set of heterogeneous thematic identifications. The model of regional identity of the Urals is built on the material of journalistic texts of the "Oblastnaya Gazeta" (Sverdlovsk Region newspaper). The study analyzes the discursive practices of selection, nomination and description of objects and the practices of concept construction.

It is shown that the geographical map of the Urals is marked by the local toponyms: Ural (the Urals), Sredniy Ural (the Central Urals) and the names of towns, villages, mountains, rivers and lakes important for Sverdlovsk Region. And the Urals region is constructed as a complex and multidimensional space, the center of which is located in Sverdlovsk Region (the Central Urals), and the capital of which is Ekaterinburg.

Analyzing the temporal identification of the Urals, the authors focus on the practices of selection of historical events and characters. The pre-revolutionary history of the mining industry in the Urals, the death of the royal family and some

events of the Soviet history (especially the Great Patriotic War) are significant for the region's past. The practices of construction of the past influence the construction of both the present and the future. Thus, the authors stress the importance of the historical mining and industrial image of the Urals region for its economic identification. The article also describes the political, ethno-confessional and cultural identification of the inhabitants of the region.

KEYWORDS: regional identity; media discourse; discourse analysis; discursive practices; journalism; media linguistics; media texts; mass media.

AUTHOR'S INFORMATION: *Il'ina Ol'ga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kablukov Evgeniy Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Il'ina, O. V. Practices of Constructing Ural Identity in the Media Discourse of Sverdlovsk Region / O. V. Il'ina, E. V. Kablukov // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 119—131. — DOI 10.26170/pl19-02-14.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project № 18-312-00143 “Regional Identity of Russians in Mass Media Discourse: Uniformity and Diversity”.

REFERENCES

1. Anderson B. Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. — Moscow : Kuchkovo Pole, 2016. [Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. — M. : Kuchkovo pole, 2016]. — (In Rus.)
2. Achkasov V. A. National Identity as a Historical Narrative // Administrative Consulting. 2018. No. 10 (118). P. 19—26. [Natsional'naya identichnost' kak istoricheskiy narrativ // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2018. № 10 (118). S. 19—26]. — (In Rus.)
3. Bazhenova E. A. Mechanisms of Ural Identity Formation in the Industrial Age // Ural State Univ. Journ. Ser. 1. 2007. No. 52. P. 261—269. [Mekhanizmy formirovaniya ural'skoy identichnosti v industrial'noy epokhu // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1. 2007. № 52. S. 261—269]. — (In Rus.)
4. Bazhov Encyclopedia. — Ekaterinburg : Socrates : Publishing House of Ural Univ., 2007. [Bazhovskaya entsiklopediya. — Ekaterinburg : Sokrat : Izd-vo Ural. un-ta, 2007]. — (In Rus.)
5. Big Encyclopedic Dictionary. — Moscow ; S. Peterburg : Soviet Encyclopedia : S.-Petersburg. Foundation “Leningrad Gallery”, 1993. [Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. ; SPb. : Sov. entsiklopediya : S.-peterb. fond «Leningradskaya galereya», 1993]. — (In Rus.)
6. Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice // Journ. of Sociology and Social Anthropology. 1998. T. 1. № 2. P. 44—59. [Struktura, gabitus, praktika // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 1998. T. 1. № 2. S. 44—59]. — (In Rus.)
7. Van Dyke T. A. Discourse and power. Representation of dominance in language and communication. — Moscow : LIBROKOM, 2013. [Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : LIBROKOM, 2013]. — (In Rus.)
8. Gillikh A. D., Ushakova P. P. Realization of the Concept of the Third Capital in the Structure of Management Decisions in the City of Kazan // Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 128—131. [Realizatsiya kontseptsii tret'ey stolitsy v strukture upravlencheskikh resheniy v gorode Kazan' // Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy. 2018. T. 2. № 4. S. 128—131]. — (In Rus.)
9. Demidova K. I. Language Picture of the World in the Regional Aspect (scientific school of the doctor of philological sciences, professor K.I. Demidova) // Pedagogical Education in Russia. 2015. No. 12. P. 47—51. [Yazykovaya kartina mira v regional'nom aspekte (nauchnaya shkola doktora filologicheskikh nauk, professora K. I. Demidovoy) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 12. S. 47—51]. — (In Rus.)
10. Dracheva Yu. N., Chernyaeva M. I. Problems of Regional Identity in the Field of Studying Dialect Speech // Herald of Cherepovets State Univ. 2016. № 6 (75). P. 83—87. [Problemy regional'noy identichnosti v sfere izucheniya dialektnoy rechi // Vestn. Cherepovetskogo gos. un-ta. 2016. № 6 (75). S. 83—87]. — (In Rus.)
11. Enina L. V., Il'ina O. V., Kablukov E. V., Chepkina E. V. Practices of Political Identification of the Russians under the Influence of the Media Concept “Information War” // Political Linguistics. 2017. No. 4. P. 96—107. [Praktiki politicheskoy identifikatsii rossiyan pod vliyaniem mediakontsepta «Informatsionnaya vojna» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4. S. 96—107]. — (In Rus.)
12. Enina L. V., Chepkina E. V. Journalistic Discourse: Analysis of Practices // Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1. 2011. № 2. S. 76—85. [Zhurnalistskiy diskurs: analiz praktik // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. 2011. № 2. S. 76—85]. — (In Rus.)
13. Eremina E. V. Regional Identity in the Context of Sociological Analysis // Regionology. 2011. № 3 (76). P. 216—222. [Regional'naya identichnost' v kontekste sotsiologicheskogo analiza // Regionologiya. 2011. № 3 (76). S. 216—222]. — (In Rus.)
14. Ivanishcheva O. N. Sociolinguistic Portrait of the Border Northern Region: Approaches and Research Methods. — Moscow ; Berlin : Direct Media, 2015. [Sotsiolingvisticheskiy portret prigranichnogo severnogo regiona: podkhody i metody issledovaniya. — M. ; Berlin : Direkt-Media, 2015]. — (In Rus.)
15. Il'ina O. V., Khalutomykh E. A. Ural as a Vernacular District // Priorities of the Mass Media and Values of the Journalist Profession. — Ekaterinburg : Publ. House of Ural Univ., 2018. [Ural kak vernakulyarnyy rayon // Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2018]. — (In Rus.)
16. Kablukov E. V. Regional Identity of Russians in the Discourse of the Media: Theoretical Aspects of Scientific Modeling // Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1. 2018. No. 3. P. 23—29. [Regional'naya identichnost' rossiyan v diskurse SMI: teoreticheskie aspekty nauchnogo modelirovaniya // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. 2018. № 3. S. 23—29]. — (In Rus.)
17. Kablukov E. V. Official Ideologems: the Specifics of Functioning in the Modern Russian Media Discourse // Novosibirsk State Univ. Journ. Ser.: History, philology. 2012. V. 11. Vol. 6: Journalism. P. 84—88. [Ofitsial'nye ideologemy: spetsifika funkcionirovaniya v sovremennom rossiyskom mediadiskurse // Vestn. Novosibirsk. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. T. 11. Vyp. 6 : Zhurnalistika. S. 84—88]. — (In Rus.)
18. Kazakova G. M. “Vernakulyarny District” as a Condition for the Intensification of Social Processes // Sociological Studies. 2017. № 9. P. 57—65. [«Vernakulyarnyy rayon» kak uslovie intensivatsii sotsial'nykh protsessov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. № 9. S. 57—65]. — (In Rus.)
19. Kalmykov A. A., Kokhanova L. A. Internet Journalism. — Moscow : Unity-Dana, 2005. [Internet-zhurnalistika. — M. : Yuniti-Dana, 2005]. — (In Rus.)
20. Krylov M. P. Regional Identity in the Historical Core of European Russia // Sociological Studies. 2005. No. 3. P. 13—23. [Regional'naya identichnost' v istoricheskom yadre Evropeyskoy Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 3. S. 13—23]. — (In Rus.)

21. Kupina N. A. Axiological Strategy and Its Speech Realization in a Regional Newspaper // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1.* 2017. No. 4 (168). P. 19—31. [Aksiologicheskaya strategiya i ee rechevaya realizatsiya v regional'nom gazetnom izdaniy // *Izv. Ural. fed. un-ta.* Ser. 1. 2017. № 4 (168). S. 19—31]. — (In Rus.)
22. Kupina N. A. From the Factory City to the Modern Advanced City: Stylistic Signs and Values of the Vecherny Pervouralsk Newspaper // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 1.* 2016. No. 2 (150). P. 13—25. [Ot goroda-zavoda k sovremennomu peredovomu gorodu: stilisticheskie primety i tsennostnye orientiry gazety «Vecherniy Pervoural'sk» // *Izv. Ural. fed. un-ta.* Ser. 1. 2016. № 2 (150). S. 13—25]. — (In Rus.)
23. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatext in an Ideological Context. — Ekaterinburg : University of Humanities, 2011. [Mediatekst v ideologicheskoy kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy universitet, 2011]. — (In Rus.)
24. Makarova G. I. Dynamics of the Russian Regional and Ethnic Identities in Tatarstan // *Sociological Studies.* 2011. No. 5. P. 71—77. [Dinamika rossiyskoy regional'noy i etnicheskikh identichnostey v Tatarstane // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2011. № 5. S. 71—77]. — (In Rus.)
25. Manaenko G. N. The Deformations of the “Image of the Caucasus” in the Modern Discourse of the Russian Media and Public Consciousness, or the Benefits of Political Linguistics // *Political Linguistics.* 2010. No. 4. P. 50—53. [Deformatsii «Obraza Kavkaza» v sovremennom diskurse rossiyskikh SMI i obshchestvennom soznaniy, ili O pol'ze politicheskoy lingvistiki // *Politicheskaya lingvistika.* 2010. № 4. S. 50—53]. — (In Rus.)
26. Medialogy [Electronic resource]. URL: <http://www.mlg.ru> (date of access: 28.02.2019). — (In Rus.)
27. Naumov D. N. Regional Identity as the Main Factor in the Formation of a Favorable Territory Brand (on the example of the Khanty-Mansi Autonomous District-Ugra) [Electronic resource] // *Modern Problems of Science and Education.* 2012. № 5. [Regional'naya identichnost' kak glavnyy faktor formirovaniya blagopriyatnogo brenda territorii (na primere KhMAO-Yugry) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* 2012. № 5]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7151> (date of access: 28.02.2019). — (In Rus.)
28. Oglezneva E. A. The Far Eastern Regiolect of the Russian Language as a Regional Version of the Russian National Language // *Word: a folk-dialectological almanac.* 2013. No. 10. P. 20—37. [Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka kak regional'nyy variant russkogo natsional'nogo yazyka // *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskyy al'manakh.* 2013. № 10. S. 20—37]. — (In Rus.)
29. Poberezhnikov I. V. Ural Regional Identity: at the Origins of the Formation // *Tenth Tatischev readings.* — Yekaterinburg : UMT UPI, 2013. P. 140—145. [Ural'skaya regional'naya identichnost': u istokov formirovaniya // *Desyatye Tatishchevskie chteniya.* — Ekaterinburg : UMTs UPI, 2013. S. 140—145]. — (In Rus.)
30. Prikazchikova E. E. The Stone Power of the Copper Mountains of the Urals // *Ural Fed. Univ. Journ. Ser. 2.* 2003. No. 28. P. 11—23. [Kamennaya sila Mednykh gor Urala // *Izv. Ural. fed. un-ta.* Ser. 2. 2003. № 28. S. 11—23]. — (In Rus.)
31. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of “Information war”. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voy-na». — M. ; Ekaterinburg : Kabinetnyy uchenyy, 2017]. — (In Rus.)
32. Pyatak V. I. The Image of the Russian Far East in Soviet Discourse: Historical Specifics and Mythology // *Priamur. State Univ. n.a. Sholem Aleichem Journ.* 2008. No. 1. P. 35—38. [Obraz Dal'nego Vostoka Rossii v sovetskom diskurse: istoricheskaya spetsifika i mifologiya // *Vestn. Priamur. gos. un-ta im. Sholom-Aleykhema.* 2008. № 1. S. 35—38]. — (In Rus.)
33. Sagitova L. V. Regional Identity: Social Determinants and Constructivist Media Activities (on the Example of the Republic of Tatarstan) // *Center and Regional Identities in Russia.* — Moscow ; St. Petersburg : Summer Garden : Publishing House of Europe University in St. Petersburg, 2003. P. 77—124. [Regional'naya identichnost': sotsial'nye determinanty i konstruktivistskaya deyatel'nost' SMI (na primere Respubliki Tatarstan) // *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii.* — M. ; SPb : Letniy sad : Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2003. S. 77—124]. — (In Rus.)
34. Tumakova K. E. Regional Identity and Branding as a Social and Management Resource // *Power.* 2010. No. 3. P. 70—73. [Regional'naya identichnost' i brending kak sotsial'no-upravlencheskiy resurs // *Vlast'.* 2010. № 3. S. 70—73]. — (In Rus.)
35. Turovskiy R. F. Regional Identity in Modern Russia // *Russian Society: the Formation of Democratic Values?* — Moscow : Gandalf, 1999. P. 87—136. [Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii // *Rossiyskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh tsennostey?* — M. : Gendalf, 1999. S. 87—136]. — (In Rus.)
36. Ural Historical Encyclopedia. — Ekaterinburg : Academic, 2000. [Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya. — Ekaterinburg : Akademkniga, 2000]. — (In Rus.)
37. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Discourse Analysis: Theory and Method. — Kharkov : Humanitarian Center, 2008. [Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008]. — (In Rus.)
38. Foucault M. Archeology of Knowledge. — St. Petersburg : Academy of Humanities : University Book, 2004. [Arkhologiya znaniya. — SPb. : Gumanitarnaya akademiya : Universitetskaya kniga, 2004]. — (In Rus.)
39. Foucault M. The Order of Discourse // *The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years.* — Moscow : Kastal, 1996. S. 47—97. [Poryadok diskursa // *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let.* — M. : Kastal', 1996. S. 47—97]. — (In Rus.)
40. Chepkina E. V. Russian Journalistic Discourse: Text-Generating Practices and Codes (1995—2000). — Ekaterinburg : Publishing House of Ural. Univ., 2000. [Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000]. — (In Rus.)
41. De Cillia R. The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // *Discourse & society.* 1999. № 10 (2). P. 149—173.
42. Smith A. D. National Identity. — Reno : University of Nevada Press, 1991.
43. Wodak R., Chilton P. (eds.). A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2005.